Александра ЛИХАНОВА

Политика, опрокинутая в прошлое

Государственное строительство – сложная системная задача и его успех зависит от многих предпосылок, факторов и условий. В том числе от отношения строителей государства (политического класса, научного и идеологического сообщества, всего населения) к истории, к прошлому своей страны и народа, далекому и недавнему. Зависимость эта сущностная, глубокая, можно сказать, императивная. Прошлое, составляющее, по словам Н.А. Бердяева, онтологическую основу общественного бытия, может оказывать различное, порой противоречивое влияние на жизнь. Характер влияния зависит прежде всего от того, как относятся к прошлому субъекты государственного строительства, какой образ прошлого они рисуют, от какой картины прошлого они отталкиваются.

В реальной жизни встречаются два основных подхода в отношениях к прошлому. Первый – уважение к прошлому, предполагающее стремление видеть его таким, каким оно было на самом деле. Второй – инструментальный подход, когда прошлое рассматривается как средство для достижения посторонних по отношению к нему (чаще всего политических) целей, когда образ прошлого формируется произвольно. В этом случае исходят из управленческого принципа: кто управляет прошлым, тот управляет обществом. В случае инструментального подхода прошлое может как идеализироваться (позитивно-пристрастный подход), так и очерняться (подаваться преимущественно в негативном свете).

Историография, по словам М. Покровского, в 20-е годы фактически возглавлявшего историческую науку и пропаганду, всегда была «политикой, опрокинутой в прошлое». Другими словами, история всегда подавалась с позиций интересов реальной власти. История до Октябрьской революции интерпретировалась в негативном свете, а после – преимущественно как путь от победы к победе. Неизбежный результат такой исторической политики: «Мы не знаем общество, в котором живем» (Ю. Андропов), и это незнание стало одной из важнейших причин, которые вели к поражению советского строя.

Особенно радикально искажается прошлое (в негативном духе) в периоды крутых общественных преобразований (революций, контрреволюций, радикальных реформ). Это закономерный процесс: чтобы расчистить дорогу преобразованиям, надо внушить (иногда убедить) населению, что старый порядок несправедлив и нелегитимен, поэтому должен быть заменен новым, прогрессивным. И то, что сторонники «радикальных реформ» в России обрушились на советское прошлое – естественно и неизбежно. Отчасти это было реакцией на апологетику советского времени, когда внимание обращалось прежде всего на успехи, достижения, победы, а ошибки, противоречия, неудачи, преступления и т.п. старались не замечать.

Алгоритм отношения к прошлому в постсоветское время в значительной мере совпадал с алгоритмом интерпретации прошлого во времена Английской, Французской, Февральской и Октябрьской революций:

- жесткое отрицание (негативно-пристрастный подход) дореволюционного времени на первых этапах преобразований (для М. Покровского дооктябрьская история лишь мрачная «предистория»; для радикальных либералов советский период – «черный провал»);
- деструктивный настрой (слом «через колено», если использовать выражение Б. Ельцина) во всех сферах жизни в первые годы преобразований;
- приукрашивание постреволюционного времени («от победы к победе» в советскую эпоху; «огромный прогресс в развитии» в постсоветское время);
- по мере стабилизации ситуации, перехода от задач разрушения к созидательным задачам, происходил сдвиг в сторону более сбалансированного отношения к прошлому;
- со временем происходит нарастание в обществе тенденций «отрицания отрицания».

В постсоветский период отношение к прошлому России со стороны властвующей элиты во многом приобрело новое измерение (качество).

Во-первых, обращает на себя внимание беспрецедент-

Александра Лиханова, эксперт Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Москва, Проспект Вернадского, 82). E-mail: ab.likhanova@migsu.ru

Аннотация: Статья посвящена вопросам взаимосвязи политики и отношения к прошлому, которое в настоящее время стало одной из самых актуальных проблем российского общества. Использование научных методов (исторического, компаративного и причинно-следственного), а также статистики, позволило автору решить поставленные в статье задачи: во-первых, рассмотреть преобладающее отношение к прошлому в период трансформации общества (прежде всего в 90-е годы), во-вторых, изучить, как отражается на жизни общества негативно-пристрастный (инструментальный) подход к прошлому. Алгоритм отношения к прошлому в различных странах в периоды коренных общественных преобразований (Великой Французской, Февральской, Октябрьской революций, в постсоветский период) во многом повторяется.. В то же время в России в 90-е годы отношение к прошлому приобрело новое измерение (качество). Преобладание негативно-пристрастного (инструментального) отношения к прошлому приводит ко многим негативным последствиям в общественной жизни, включая деградацию познавательного потенциала общества, большие потери в культуре, образовании, нравственности, ценностной структуре общества, порождает деструктивные последствия в экономике, государственном строительстве, внешней политике и других сферах общественной жизнедеятельности. Лишь стремление видеть прошлое таким, каким оно было на самом деле (уважение к прошлому), создает благоприятные условия для развития общества, для успешного государственного строительства. Материалы статьи могут быть использованы как в научной дискуссии по этой теме, так и в учебной работе со студентами.

Ключевые слова: история, цивилизационное отношение к прошлому, уважение к прошлому, познавательный потенциал, социокультурные изменения.

ный масштаб негативной исторической информации, благодаря современным электронным масс-медиа. Телевидение, Интернет и радио обеспечили поступление нужной «реформаторам» исторической информации практически в каждую семью ежедневно, с утра до вечера. Цунами исторической информации, всколыхнувшееся примерно 25 лет тому назад, никак не схлынет и в наши дни.

Во-вторых, радикальный характер отрицания советского прошлого. По признанию Б. Ельцина, подобранная им команда «ничего из прошлого не ценила», стремясь выполнить поставленную в 1991 году «главную задачу – всю жизнь повернуть круто и наоборот» [Медведев, 2006. С. 198].

В-третьих, принижение и отбрасывание российской истории в самой России и за ее пределами сопровождалось идеализацией и универсализацией исторического пути и опыта западных стран. Российские радикальные либералы жестко следуют формуле Ф. Фукуямы (хотя сам автор во многом пересмотрел свои взгляды), что исторически либеральная демократия в ее западном варианте – «окончательная форма правления в человеческом обществе», «конец истории».

В-четвертых, на вооружение была взята новая методология интерпретации прошлого – разработанный на Западе исторический постмодернизм, взятый в его вульгаризованном варианте. Наиболее существенным его элементом, в отличие от «устаревшей» методологии, становится не изучение (исследование) прошлого и его реконструкция, а произвольное, в соответствии с политическими целями, конструирование прошлого.

На основе либеральной интерпретации истории в постсоветский период строилась не только пропаганда, но и политическая линия руководства страны, «несмотря на то, что предпринимались значительные усилия по ее (советской модели – А.Л.) дискредитации, население в целом отнюдь не склонно видеть советскую эпоху исключительно в темных тонах. Благожелательное отношение к советскому прошлому распространено повсеместно» [Горшков, 2010].

Инструментальный подход к прошлому, «приватизация» истории не могла не породить мощные деструктивные процессы в обществе – на всех его уровнях, во всех сферах. Искаженное прошлое подрывало познавательные возможности общества, его способность понимать прошлое, настоящее и создавать реалистичный проект будущего. Это толкало властвующую элиту на путь заимствования (имитации, копирования) чужеродных природе России экономических, политических и культурных моделей.

Прошлое – в природе и структуре настоящего, всех социальных явлений (человека, народа, страны, экономики, культуры, науки и др.). Настоящего без прошлого быть не может. И если прошлое искажается, то прежде всего искажается и картина настоящего. Более того, разрушается познавательный процесс и познавательный потенциал общества, снижается интерес и уважение населения к истории.

Произвольное конструирование прошлого отодвигает в сторону испытанные методы научного исследования. Например, теряют смысл, становятся научно (не идеологически!) неэффективными сравнительные (компаративные) методы. Сравнение с искаженным прошлым искажает и настоящее. Идеализация прошлого делает более мрачной картину настоящего. Очернение прошлого, напротив, делает настоящее более привлекательным.

Искаженный образ прошлого не позволяет использовать причинно-следственные методы исследования современных явлений. Исторические события, не имеющие причинного обоснования, не могут считаться познанными. Очевидно, что непонимание, искажение причин, корни которых уходят в прошлое, приводит и к непониманию социальных процессов, например, к ложному представлению, что российская история носит прерывистый, дискретный характер. В результате рушится представление о целостности исторического процесса, прошлое в общественном сознании отрывается от настоящего, как нечто чужеродное ему (вместе с народом, его религиозными верованиями, культурой и т.п.). Формируется благоприятная почва для нигилизма и радикализма. Отбрасывание прошлого способствует активизации такого явления массового сознания и идеологии, как презентизм – когда интересы настоящего доминируют над прошлым и будущим.

Произвольное конструирование прошлого подрывает и разрушает представление о том, что противоположности (старое и новое, прошлое и настоящее, традиции и модернизация), в сущности, едины, что это стороны одного целого, что их следует рассматривать только во взаимной связи. Радикальное искажение советского периода истории создает предпосылки разрыва в мышлении исторического и логического. «Логическое» проектирование настоящего и будущего ведет к отказу от исторической преемственности.

Российские сторонники вольного обращения с прошлым существенную поддержку и оправдание получили в методологии постмодернизма. Многие положения постмодернизма в его примитивном варианте стали основой и оправданием конъюнктурных, политизированных способов освещения истории России и политической практики.

В условиях радикального искажения прошлого и неизбежной в этих условиях утраты (или отказа) от научных методов познания общества начинает работать другой, казалось бы, весьма эффективный метод – копирования и имитации чужого опыта.

В условиях инструментального подхода к прошлому не может адекватно исполняться важнейшая эвристическая функция науки и политики – прогнозирование и планирование будущего. Игнорирование собственного и копирование (имитация) чужого опыта, как показывает мировой и российский опыт, ведет в конечном счете к стагнации и кризису, отставанию страны, ослаблению жизненных сил народа.

Но политика России в годы «радикальных реформ»

формировалась главным образом на основе сконструированного и произвольно выбранного прошлого. «Непредсказуемое» прошлое делает непредсказуемой и политику. В свою очередь, «растущая политическая непредсказуемость, – писал выдающийся русский философ А.С. Панарин о политике 90-х годов, – деформирует и культуру, подрывая статус науки и в целом статус рациональности и открывая дорогу агрессивному политическому шарлатанству и мифотворчеству» [Панарин, 1998. С. 286].

Тезис о «страшной и безумной» истории народа имплицитно содержит представление, что у народа с такой историей не может быть и настоящей культуры. В противовес российской и советской культуре, которые отодвигаются в сторону, на передовые позиции выдвигаются:

- во-первых, «передовая» западная массовая культура, в соответствии с общим курсом на заимствование и на копирование западного опыта;
- во-вторых, «новая российская культура» преимущественно делается по образцам, по проектам, даже по тематике зарубежной культуры, что ведет к вытеснению и разрушению национальной культуры;
- в-третьих, ориентация культурной деятельности на рынок, западную массовую коммерческую культуру, на политические интересы «реформаторов» приводит к преобладанию тенденции на понижение духовного и культурного уровня общества, к «ослаблению духовных скреп» общества (В.В. Путин).

Отрицание советской системы (культуры) образования и заимствование западных моделей ведет к устранению из образования элементов просвещения и воспитания, к снижению качества образования, к утрате у учеников и студентов интереса к знаниям.

Негативно-пристрастный подход к истории разрушителен для психического и нравственного здоровья населения. Отрицание традиционной морали, в условиях разгула рыночной стихии в средствах массовой информации ведет к деморализации общества, несмотря на усилия семьи, школы, церкви, некоторых социальных и политических сил остановить эти процессы.

Искажение прошлого, прежде всего в форме его негативизации, неизбежно порождает разрушительные процессы в национальном самосознании (ослабление национального чувства, интереса к себе, веры в себя и уважения к себе, чувства сопричастности к судьбе страны и народа, ответственности за судьбу страны и народа, отрицание национальной идеи (идеологии), разрушение патриотических установок, размывание национальной идентичности).

Полноценная идентификация и самоидентификация народа невозможны без обращения к его прошлому. Великая история формирует великий народ. «Страшная и безумная» история народа автоматически переводится в неустранимые дефекты народа, в его неполноценность, ущербность, антропологическую катастрофу, архаичность, рабскую психологию и т.п. Процессы, порожденные состоянием глубокого кризиса общества, еще больше усиливают такие настроения.

Депопуляция, упадок пассионарности (энергии, целеустремленности, воли), разрушение национального самосознания, процессы деморализации, распространение социальных болезней и др. дают повод либералам-западникам говорить о неполноценности народа, игнорируя тот факт, что эти процессы порождены главным образом политикой последних десятилетий. Преобладание подобных взглядов на народ по-своему логично ведет реформаторов к стремлению переделать или даже заменить народ.

Переделка народа, в том числе с помощью исторической информации, предполагает прежде всего разрушение традиционной («архаичной») структуры ценностей, сформированной православной и советской культурой, и формирование новой, соответствующей рынку и либеральному проекту. На место и в противоположность ценностям справедливости, коллективизма, социальной ответственности, нестяжательства, равенства, национального и социального достоинства и т.п. интенсивно внедряются противоположные: индивидуализма, наживы, социальной безответственности, естественности неравенства, несправедливости, национальной и социальной неполноценности населения. Но в целом успех кампании по изменению структуры ценностей населения оказался относительным; многие прежние ценности, не только сохраняются, но порой преобладают.

Негативная картина прошлого неизбежно порождает разрушительные по отношению к обществу стремления и разрушительную практику. Один из основателей школы «Анналов» М. Блок предупреждал, что «незнание прошлого не только вредит познанию настоящего, но ставит под угрозу всякую попытку действовать в настоящем» [Блок, 1986. С. 25]. Искаженное представление о прошлом, неизбежно ведущее к искаженному представлению о настоящем и будущем, порождает мощный деструктивный потенциал в обществе. Разрушительны как позитивно-пристрастный подход к прошлому, так и негативно-пристрастное отношение к нему. Но разрушительны по-разному, каждое по-своему. Идеализация советского прошлого в советское время стала одной из важных причин, которые вели его к кризису и в итоге к крушению.

Заложником и жертвой собственного негативно-пристрастного образа прошлого стал российский либерализм 90-х годов (отрыв от исторической и современной почвы, асоциальные и антипатриотические тенденции, сильные элементы народо- и русофобии, декларативный, а не реальный, демократизм, прозападная, порой компрадорская ориентация, радикальный деструктивный настрой и др.). Безудержная критика прошлого вкупе со стремлением немедленно осуществить «либеральный» проект порождает дух тотального отрицания «прошлого-в-настоящем». Не только ничего из прошлого не ценили, но и не щадили. Преобразования производились в максимально короткие сроки и любой ценой – своеобразная радикальная зачистка прошлого. «В результате ельцинской эпохи, – по словам А.И.Солженицына, – разгромлены или разворованы все основные направления нашей государственной, народно-хозяйственной, культурной и

нравственной жизни. Мы буквально живем среди руин, но притворяемся, что у нас нормальная жизнь»[1].

Абсолютизация негативной информации о недавнем прошлом подталкивает к ускорению, форсированию преобразований, что нарушает естественный ритм и ход перемен, стимулирует деструктивные процессы. «За короткий срок – всего два-три года – Россия совершила гигантский прыжок в неизвестность», – признавал Б.Н. Ельцин [Ельцин, 1994]. В результате искусственного ускорения центробежные тенденции оказались сильнее центростремительных, и общественный организм пошел «вразнос». Первой жертвой политики «круто и наоборот» стали страна и скрепляющее ее государство. Характерное для либералов недоверие к государству в российском случае было доведено до крайности неприятием всего советского. Объявленное «советской империей» (даже, вслед за Рейганом, «империей зла»), тюрьмой народов, государство было разрушено. Жертвой искаженного образа советской экономики («неэффективная», «нерентабельная», «уродливая» и т.п.) стала реальная экономика страны, прежде всего ее ключевые отрасли – обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство.

Политика, направленная на «приватизацию прошлого», делает настоящее и будущее нестабильным и непредсказуемым. В этих условиях часто происходит инверсия ранее декларированных целей и принципов. И в этом нет случайности. Разрушенное настоящее, отсутствие надежной программы будущего, разрушение прежней культуры и национального самосознания, анархия, растерянность и прочие неизбежные последствия искажения прошлого ведут к восстановлению, часто в фарсовом варианте, худшего из прошлого. Представление, что возвращение прошлого, его худших черт, можно предотвратить безудержной его критикой, является опасной иллюзией. К цели ведет не безответственное поношение прошлого, а устранение причин, которые приводили и могут привести к возрождению негативных явлений прошлого.

Изложенный материал свидетельствует, что при инструментальном подходе (когда прошлое «выбирается» и конструируется произвольно, в соответствии с теми или иными политическими целями), образы прошлого могут стать важнейшим средством разрушения общественных структур.

Прошлое – не отработанный материал, а огромная общественная ценность и важнейший (по нашему убеждению, самый важный) ресурс общества. Но он становится таким при соответствующем отношении к нему, – при условии уважения к прошлому со стороны «властвующей элиты» и всего общества. Уважение (любовь) к прошлому и предкам, являются, по гениальному слову А.С. Пушкина, «животворящими (т.е. жизнь творящими) святынями».

Литература

Блок Марк. Апология истории, или Ремесло историка. М.1986. 277 с.

Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. М. 2010. №12. С. 28–41.

Ельцин Б.Н. Записки Президента. М. Изд «Огонек», 1994. 369 с.

Медведев Р.А. Великая отечественная война: память и наследие в странах СНГ. // Свободная мысль. 2006. №7–8.

Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М. 1998.

[1] А. Солженицын. Россию надо спасать не в годах – в месяцах и неделях//Новая газета. 2000. 11 мая. №32.

POLITICS, INVERTED INTO THE PAST

Alexandra Lihanova, an expert at the International Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadskogo Avenue, Moscow 119571). E-mail: ab.likhanova@migsu.ru

Summary: The article focuses primarily on the interrelation between politics and its relationship with the past, which nowadays has become one of the most pressing problems of Russian society. Using scientific research (historical, comparative and causal), together with statistics allowed the author to solve the main problem in the article: firstly, to consider the prevailing attitude toward the past in the transformation of society (especially in the 90s.), and secondly, to study how the life of society is reflected in the negatively-biased (instrumental) approach to the past. The algorithmic attitude towards the past in various countries during periods of fundamental social transformation (of the Great French, February, and the October revolutions in the post-Soviet period) in many respects repeats itself. At the same time in Russia during the 90s the attitude toward the past acquired a new dimension (quality). The predominance of a negatively-biased (instrumental) attitude towards the past leads to many negative consequences in public life, including the degradation of the cognitive potential of society, large losses in culture, education, morality, value structure of society, generating destructive consequences in the economy, state building, foreign policy and other areas of public life. The exclusive desire to see the past the way it was actually (respect for the past) creates favorable conditions for the development of society and for successful state-building. Materials of this article may be used as a scientific debate on the subject, and in the classroom with students.

Keywords: history, attitude to past civilization, respect for the past, cognitive potential, socio-cultural changes.

References

Blok Mark. Apologiia istorii, ili Remeslo istorika [Stories of Apology, or Crafted history]. Moscow,1986, 277 p.

Gorshkov M.K. . Sotsial'nye faktory modernizatsii rossiiskogo obshchestva s pozitsii sotsiologicheskoi nauki [Social factors of modernizing Russian society from the standpoint of social science]// Sotsiologicheskie issledovaniia. Moscow, 2010, №12, pp. 28-41.

El'tsin B.N. Zapiski Prezidenta [Notes of the President]. Moscow. «Ogonek» publ., 1994, 369 p.

Medvedev R.A. Velikaia otechestvennaia voina: pamiat' i nasledie v stranakh SNG [The Patriotic War: the memory and the legacy of the CIS countries]. // Svobodnaia mysl'. 2006, №7-8, 215 p.

Panarin A.S. Revansh istorii: rossiiskaia strategicheskaia initsiativa v KhKhI veke [Rematch stories: the Russian strategic initiative in the XXI century]. Moscow, 1998, 324 p.